

для нихъ пошла, ибо въ ней нужны и деньги, и пища, и одежда, необходимы горе и трудъ. Труда они не любятъ въ особенности: въ немъ такъ много прозы, а они хотятъ дышать одной поэзіей.

Но чтобы сдѣлать вѣрный очеркъ того, что нѣмцы называютъ «прекрасной душой», нужна цѣлая статья. Итакъ, удовольствуемся однимъ намекомъ: догадливые поймутъ насъ. У насъ были попытки ввести въ употребленіе слово «прекраснодушіе», которыя остались типетными, и по справедливости: у нѣмцевъ это слово получило такое значеніе черезъ развитіе самой общественности такъ же, какъ у насъ слово «чувствительный». Мы думаемъ, что слова «романтикъ» и «мечтатель» довольно близко подходятъ подъ значеніе нѣмецкаго выраженія «прекрасная душа» (*schöne Seele*). Кто хочетъ познакомиться съ характерами и натурами романтиковъ-мечтателей—тѣмъ рекомендуемъ изъ романовъ Полевого «Аббадонну», а изъ повѣстей: въ особенности «Живописца», «Блаженство Безумія» и «Эмму»; это тонкіе, злые картины и очерки романтиковъ и мечтателей. Но всѣхъ ихъ выше—«Гамлетъ» и «Уголино»: это просто сатирическая апоэоза романтическихъ душъ и мечтательныхъ характеровъ. Мы не будемъ распространяться въ доказательствахъ: перечтите въ «Уголино» сцены любви между Нино и Ворониной,—и вы сами увидите, что улыка на лицо. Одна уже мысль жить въ пустынь аркадскими пастушками, занимаясь одной любовью,—въ высшей степени «романтическая» и «мечтательная». Этотъ Нино съ своей Вероникой просто—Маниловъ съ своей супругой; онъ держитъ въ рукѣ конфетку и говоритъ супругѣ: «Разинь, душенька, ротики, я тебѣ положу этотъ кусочекъ»...

Что касается до «Гамлета», то достоинство его, какъ перевода, вполне оцѣнено великимъ знатокомъ Шекспира, покойнымъ профессоромъ Харьковского университета, И. Я. Кронебергомъ, и въ другой статьѣ сыномъ его, А. И. Кронебергомъ. Но нѣтъ худа безъ добра: изъ перевода вышло сочиненіе Полевого, и это послужило къ успѣху пьесы на нашей сценѣ, гдѣ Шекспиръ такъ, какъ онъ есть (не обсахаренный и не разсироппленный), еще недоступенъ. Но зато нѣкоторые потому только и прочли превосходный переводъ «Гамлета» Вронченко и поняли его, что видѣли на сценѣ «Гамлета» Полевого... и то заслуга!

Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полевого. Часть четвертая. Спб. 1843.

Въ четвертой части «Драматическихъ Сочиненій и Переводовъ» Полевого содержатся

три драмы: «Смерть или честь!», «Елена Глинская» и «Мать-испанка». Всѣмъ извѣстно, что Полевой взялъ содержаніе драмы «Смерть или честь» изъ повѣсти, но не всѣ знаютъ, можетъ быть, почему именно онъ взялъ его изъ повѣсти. Тѣ, которые полагаютъ, что онъ поступилъ такъ по общему всѣмъ нашимъ доморопленнымъ драматургамъ недостатку воображенія, очень ошибаются. Вотъ собственные слова Полевого:

„Мнѣ хотѣлось испытать важность въ наше время драмы-собственно (?...) въ родѣ драмы Лессинга, Иффланда, Дидерота и съ тѣмъ вмѣстѣ увѣриться, справедливо ли мнѣніе нѣкоторыхъ критиковъ, будто изъ повѣсти или романа не можетъ быть заимствовано сценическое представленіе, въ чемъ ссылались на множество неудачныхъ опытовъ? Содержаніе сей драмы взято изъ повѣсти Мишель-Массона „Le Grain de Sable“, помѣщенной въ изданномъ имъ собраніи повѣстей подъ заглавіемъ: „Daniel le Lepidaire ou les Contes de l'atelier“. (Парижъ, 1833 года).“

Кто же тѣ «нѣкоторые критики», которые утверждали, что изъ повѣсти нельзя сдѣлать истинно хорошей драмы?... Да первый—самъ же Полевой! Не тотъ Полевой, который не додалъ шести книжекъ «Русскаго Вѣстника»,—не тотъ, который выкраиваетъ изъ чего попало плохія драмы, создаетъ комедіи въ родѣ «Войны Оедосы Сидоровны съ китацами» и воспѣваетъ «деньги», но тотъ, который издавалъ «Телеграфъ», который соорился съ другомъ и недругомъ за свои убѣжденія, порицалъ направленіе драмъ Шаховскаго и Кукольника и не воспѣвалъ «денегъ»...

Намъ особенно нравятся тѣ драмы Полевого, въ которыхъ онъ изображаетъ вельможъ и вообще людей высшаго тона. Здѣсь онъ неподражаемъ. Смотря на его графинь и баронессъ, не скажешь, что онѣ вчера еще были кухарками своихъ мужей, которые въ свою очередь только что сошли съ запятокъ; слушая, какъ разсуждаютъ у Полевого герцогини и герцоги, не подумаешь, что ошибся дверью и попалъ вмѣсто гостиной въ лакейскую... «Смерть или честь»—драма самаго высшаго тона: въ ней дѣйствуютъ графы, министры, самъ герцогъ и весь дворъ его.

Допустимъ, что примѣчаніе, на которое мы указали выше, придумано не для того, чтобы придать побольше важности слабому тщедушному созданію и прикрыть благовиднымъ предлогомъ несовѣсь хорошо рекомендуемое литературное похищеніе; согласимся, что дѣйствительно не другое что-нибудь, а только желаніе увѣриться—можно ли изъ повѣсти сдѣлать драму,—заставило Полевого заимствовать содержаніе драмы «Смерть или честь» изъ повѣсти. Но вотъ вопросъ: что заставило Полевого заимствовать содержаніе